

**Деятельность П.А. Кулаковского в
белградской Великой школе в 1878–1882 гг.
(К 100-летию со дня кончины русского ученого)**

Abstract:

Danchenko S.I. *The Activity of P. A. Kulakovsky in the Belgrade Great School in 1878-1882 (for the 100th Anniversary of the Death of the Russian Scholar).*

The article is dedicated to the teaching activity of the well-known Russian Slavist Platon Andreevich Kulakovsky (1848-1913) at the Great School at Belgrade (in 1878-1882). New documents discovered by the author in the archives of Russia and Serbia as well as the newspapers of that time permit her to demonstrate the part played by Kulakovsky in strengthening and widening of the traditional Russian-Serbian scholarly, cultural and social ties.

Ключевые слова: П.А. Кулаковский, русско-сербские связи, русский язык, русская литература, Великая школа, Белград, Сербия.

После Берлинского конгресса 1878 г. Сербия, ставшая, согласно международному трактату, независимым от Османской империи государством, начала переходить, в силу ряда причин, в сферу экономического и политического влияния Австро-Венгрии. Россия, связанная обязательствами перед своими партнерами по Союзу трех императоров – Австро-Венгрией и Германией – и «завязшая» в болгарских делах, не могла активно действовать в Сербии. Вместе с тем в своем стремлении не допустить, чтобы народ, завоевавший свою независимость благодаря русской помощи, становился «сателлитом» Австро-Венгрии, Петербург не собирался полностью сдавать позиции Вене и использовал для этого различные «мирные» средства, опираясь на традиционные русофильские пристрастия широких масс сербского народа. Правда, подобных средств в распоряжении России было немного. Ее постигла неудача в деле строительства сербской железной дороги; довольно слабо развивалась русско-сербская торговля. Межгосударственные отношения России и Сербии с начала 1880-х годов значительно осложнились – в связи с австрофильским курсом князя (с 1882 г. – короля) Милана Обреновича и его правительства. Именно поэтому связи научного и общественного характера, поддерживаемые правительством, имели определяющее значение для сохранения на должном уровне российско-сербских контактов в различных сферах, а также для развития сербской науки и культуры, упрочения уз братства и дружбы между двумя народами.

В этой связи весьма примечателен тот интерес, с которым отнеслись официальные круги России к распространению русского языка в Сербском княжестве, инициатором которого выступило сербское либеральное правительство в лице министра просвещения и церковных дел Алимписе Васильевича (1831–1911). А. Васильевич учился в России, закончил Киевскую духовную академию и получил степень магистра. Хорошо знал русский язык и литературу. По возвращении на родину он стал преподавателем гимназии и белградской семинарии, а в 1869 г. – профессором Великой школы (университета). А. Васильевич – видный государственный деятель Сербии последней четверти XIX в. Он 4 раза занимал пост министра просвещения и церковных дел, когда у власти в Сербии находились либералы. Был членом Либеральной партии. Позднее, в 1890-е годы, он дважды был сербским посланником в Петербурге. А. Васильевич являлся активным сторонником распространения русского языка и литературы в Сербии. С 1849 г. русский язык в качестве обязательного предмета преподавался в белградской богословской школе (Богословија); первыми учителями сербов были русские преподаватели В.Т. Вердиш и Д.А. Рудинский. В 1863–1864 учебном году А. Васильевич, в то время преподаватель семинарии, вел факультативный курс русского языка в Великой школе. В 1862 и 1871 гг. в Сербии вышли два учебника русского языка А. Васильевича, а в 1873 г. – хрестоматия Я. Павловича для учеников семинарии¹.

24 июля 1877 г. сербская народная скупщина приняла специальный Закон о введении русского языка в качестве предмета в некоторых учебных заведениях Сербии. Отныне русский язык стал изучаться также в Учительской школе и Высшем женском училище (Женска школа).

Было также решено организовать в Великой школе кафедру русского языка и истории русской литературы. На должность ее руководителя был приглашен молодой (ему еще не было 30 лет) российский ученый-славист Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913), которого А. Васильевичу рекомендовали глава московских славянофилов И.С. Аксаков и знаменитый петербургский профессор, ученый-славист В.И. Ламанский². Кандидатуру Кулаковского поддержал и российский дипломатический представитель в Белграде, министр-резидент Александр Иванович Персиани, начавший в 1877 г. свою долголетнюю (до 1894 г.) службу в столице Сербии. В письмах в МИД России он отмечал, что в период, когда постепенно ослабляется политическое влияние России в Сербии, особое значение приобретает распространение там русского языка³.

Ходагайство Персиани дало положительные результаты – указом министра народного просвещения Д.А. Толстого от 21 марта 1878 г. П.А. Кулаковский был командирован в Сербию на 3 года, считая с 1 июля

1878 г., «с назначением ему содержания по 1 500 руб. в год из сумм сего министерства»⁴.

Указом сербского князя Милана Обреновича от 1 июля 1878 г. Кулаковский был назначен ординарным профессором Великой школы с окладом 650 талеров в год⁵.

Платон Андреевич Кулаковский родился в г. Поневеж Ковенской губернии в семье местного настоятеля церкви и законоучителя поневежской гимназии. В 1866 г. он с золотой медалью окончил виленскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Ученик О.М. Бодянского, Н.А. Попова и А.Л. Дювернуа – ведущих московских профессоров в области славяноведения – Кулаковский уже во время обучения проявлял большой интерес к истории и литературе славянских народов. В этот период он сблизился с кружком московских славянофилов (И.С. Аксаков, братья Ю.Ф. и Н.Ф. Самарины и др.), под влиянием которых сложились его взгляды на историю и судьбу славян. Кулаковский рассматривал славянство как целостный организм и считал, что Россия призвана возглавить славянский мир. Как ученому ему была особенно близка идея о возвращении русского языка в общеславянский.

По окончании университета со степенью кандидата Кулаковский работал учителем во Владимирской губернской гимназии, а затем был переведен в IV-ю московскую гимназию – учителем латинского языка и русской словесности. В 1876 г. он был командирован на год за границу с целью изучения славянских наречий. Во время командировки Кулаковский посетил Чехию, Любляну, Загреб⁶.

В Белград Кулаковский прибыл 8 октября 1878 г.⁷ и уже 28 октября прочел в Великой школе свою вступительную лекцию на тему: «Краткий очерк развития русского литературного языка». Он отметил, что ему выпала «высокая честь положить начало преподавания русского языка в Великой школе свободной Сербии» и что все свои силы он отдаст тому, чтобы принести на этом поприще как можно больше пользы сербской молодежи. В лекции Кулаковский дал общий обзор развития русской литературы с древнейших времен⁸. Прочитанная на русском языке, она была затем переведена им на сербский язык, с помощью сербского ученого, знатока русского языка Милана Миличевича, и в следующем году вышла в Белграде отдельной брошюрой («Кратки преглед историје развића руског књижевног језика»).

Прочтением вступительной лекции и началась преподавательская деятельность Кулаковского в белградской Великой школе.

В первый год он читал студентам-филологам (их было 15 человек) курс русской грамматики сравнительно со старославянской⁹. Для лучшего усвоения студентами предмета он переводил с ними на сербский язык про-

изведения известных русских писателей, например, повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка»¹⁰.

Помимо лекций в Великой школе, со 2 декабря 1878 г. Кулаковский начал читать популярный курс русского языка для всех желающих. Но это его начинание постигла неудача: слушатели постоянно менялись, нерегулярно посещали лекции, поэтому Кулаковский был вынужден их прекратить¹¹.

Каждый год ученый должен был представлять в МИД России отчет о своей деятельности в Сербии. Уже в конце 1878 г. он составил по заданию А.И. Персиани краткий доклад об истории распространения русского языка в Сербии, используя при этом в качестве вспомогательного материала статью уже упоминавшегося выше М. Миличевича «Школы Сербии». В докладе нашла отражение близкая Кулаковскому идея о необходимости превращения русского языка в общеславянский¹². Следует отметить, что эта мысль встречала решительное противодействие прогрессивных кругов русского общества, справедливо усматривавших в ней умаление национальной самостоятельности славянских народов. «Если славянство, – писал известный ученый А.Н. Пыпин, – примет когда-нибудь русский язык, по крайней мере, для главнейших произведений литературы, имеющих общеславянский интерес, это произойдет естественным, постепенным ростом самой русской литературы, а не одними благочестивыми пожеланиями»¹³.

Так же относились к этой идее и представители сербской интеллигенции. 22 февраля 1881 г., как записал Кулаковский в своем дневнике, между ним и М. Миличевичем состоялся следующий разговор. Когда речь зашла об отношениях славян и России, Миличевич заявил, что «осуществление единства славянства политического нежелательно для Сербии и сербов». Он отметил также, что невозможно и «единство научного языка, русского», ибо «всякий слав[янский] народ д[олжен] работать только для себя и своей славы»¹⁴. Эту позицию разделяли и другие сербские ученые – Ст. Новакович, С. Вулович и др.

В то же время многие сербские интеллигенты и студенты стремились выучить русский язык, чтобы знакомиться в подлиннике с лучшими произведениями русской литературы и науки. И деятельность Кулаковского в этом плане отвечала объективной потребности развития сербской культуры.

2 января 1879 г. Кулаковский записал в своем дневнике, что для успеха распространения русского языка в Сербии «нужна кропотливая, систематическая, трудная, черновая работа»¹⁵. Этой работой и была наполнена вся его деятельность. А проходила она в весьма нелегких условиях. С самого начала молодой преподаватель встретился с рядом трудностей. Одной из них было отсутствие необходимых учебников и русских книг. Для того, чтобы серб-

ские студенты как можно скорее получили практическое пособие для изучения русского языка, Кулаковский подготовил небольшую хрестоматию, в которой поместил отрывки из лучших произведений русской литературы. Хрестоматия была издана в Белграде в 1879 г. под названием «Руска читанка».

Немало усилий приложил Кулаковский и для открытия в Белграде специальной читальни, которая должна была стать, по его мнению, одним из важных средств распространения русского языка и литературы, знаний о России и русском народе. 8 мая 1879 г. он обратился к своему бывшему профессору по Московскому университету, активному деятелю славянского движения в России Н.А. Попову: «Не подумайте, что в Белграде имеется русская библиотека. Я писал о ней в Питер не раз – но толку никакого. Хитров¹⁶, корреспондент “Нов[ого] вр[емени]”... кое-что собрал и дает даром книги для чтения. Я ищу только поддержки этого начала и пока ничего не могу добиться»¹⁷.

В письме к В.И. Ламанскому от 1 декабря 1878 г. Кулаковский просил его содействовать скорейшей посылке книг в Сербию. Эту просьбу он повторил 19 октября 1879 г.¹⁸

11 июня 1879 г. Кулаковский сообщил Н.А. Попову о некоторых успехах в деле основания русской библиотеки в Белграде: «После 7-месячных хлопот, переписки, историй Слав[янское] Петерб[ургское] общество, наконец, что-то решило относительно русской библиотеки в Белграде... вчера мне сообщил Персиани, что Ламанский телеграфировал ему, что высылается 250 руб. для... Хитрова, который взялся за дело это»¹⁹.

Однако, несмотря на хлопоты, Кулаковскому так и не удалось открыть особую русскую читальню в Белграде. Осенью 1879 г. он отказался от планов ее организации и попытался создать русское книжное отделение при белградской читальне. Эта инициатива нашла поддержку у руководства С.-Петербургского славянского благотворительного общества. Через посредничество Кулаковского оно вступило в переговоры с председателем Общества читальни архимандритом Нестором²⁰. Последний выразил согласие на присылку русских книг. И вскоре из Петербурга в белградскую народную читальню было направлено 67 экземпляров книг 42-х названий²¹. Помимо этого С.-Петербургское славянское благотворительное общество послало книги для студенческой и профессорской библиотек Великой школы. Кулаковский сообщил об этом даре в отчете о своей преподавательской деятельности за 1879 г., отметив, что книг было прислано на 600 руб. (около 400 томов) – «по преимуществу литературного и ученого содержания. Этот подарок общества представляет пока единственное собрание, хотя не полное, но на первый раз достаточное, произведений русских писателей»²². При-

сланные книги: 256 – для студенческой и 122 – для профессорской библиотек в ноябре 1879 г. принял и поместил в библиотеку Великой школы профессор Николаевич²³.

Наряду с этим в июне 1880 г. С.-Петербургское славянское благотворительное общество послало в Белград для продажи 100 экз. русско-сербского словаря П.А. Лавровского, изданного за счет общества²⁴.

В конце 1879 г. Кулаковский представил А.И. Персиани доклад о своей преподавательской деятельности за истекший год и об успехах в деле распространения русского языка в Сербии. Этот доклад Персиани приложил к донесению в МИД от 16 января 1880 г.²⁵ Из него явствует, что в 1879 г. русский язык преподавался уже в 4-х учебных заведениях Сербии: в Великой школе – на историко-филологическом факультете – Кулаковским, в духовной семинарии – протоиереем Я. Павловичем и священником Ж. Йовичичем (учившимся в Киевской духовной академии), в Учительской школе – Е. Иличем (также окончившим курс в Киевской духовной академии) и в Женской школе – учительницей Будич, учившейся в Киеве. В первых трех учебных заведениях русский язык являлся обязательным предметом, а в Женской школе он преподавался только тем ученицам, родители которых вносили за это особую плату²⁶.

Русская литература преподавалась в 1879 г. только на старших курсах историко-филологического факультета Великой школы. Кулаковский стремился к тому, чтобы его ученики «научились свободно читать по-русски и таким образом могли пользоваться богатством русской литературы»²⁷.

В июне 1879 г. Кулаковский по распоряжению Ст. Бошковича, сменившего А. Васильевича на посту министра просвещения и церковных дел Сербского княжества, присутствовал на экзаменах по русскому языку во всех сербских учебных заведениях и пришел к выводу, что знания учащихся находятся на довольно низком уровне, даже в духовной семинарии, где русский язык преподавался на протяжении уже 30 лет. Одной из причин такого положения, по убеждению Кулаковского, являлось отсутствие хорошего учебника по русской грамматике и хрестоматии по русской литературе. Вторая причина – слабая подготовка самих учителей. Кулаковский подчеркивал в докладе, что «виною в этом – отношение учебных заведений в России к сербам, которые в них учатся. Снисходительное отношение к знанию ими русского языка ведет к тому, что сербы, учившиеся в Киеве или Москве в течение нескольких лет, не научаются по-русски»²⁸.

О несовершенстве системы обучения сербской молодежи в России Кулаковский писал также своим русским корреспондентам. Так, в письме к известному ученому А.А. Майкову от 14 сентября 1880 г. он сетовал: «Положа руку на сердце, я должен сказать, что до сих пор я мало здесь (в Сер-

бии – С.Д.) встречал толковых или знающих людей между сербами, учившимися в России. По моему мнению, следует быть просто строгими и взыскательными к сербам, учащимся у нас»²⁹. А в письме к И.С. Аксакову от 12 февраля 1879 г. он отмечал, что в Россию из Сербии, по его наблюдениям, едут учиться только плохо подготовленные учащиеся. Сербь, считает Кулаковский, «очень эгоистичный и практичный народ», и если бы они посылали учеников в Россию за сербский счет, то «непременно выбрали бы более достойных и способных, чтобы их средства даром не пропали»³⁰.

В письмах к друзьям и коллегам из Белграда Кулаковский отмечал усилившуюся тягу сербской молодежи к учебе в России. «Вообще меня очень интересует воспитание сербской молодежи в русских университетах, и очень хотелось бы поднять здесь кредит нашей школы»³¹, – писал он А.А. Майкову 18 октября 1880 г. Ученый заботился о том, чтобы в Россию ехали учиться только достойные, способные молодые люди. Он сам хлопотал об их устройстве, писал о них руководству С.-Петербургского славянского благотворительного общества, прося о пособиях, давал им рекомендации. Так, в письме от 14 мая 1879 г. Кулаковский спрашивал Н.А. Попова, «не имеются ли средства какие-нибудь» для воспитания в одном из учебных заведений России сербского мальчика, брата Е. Станишевич, переводчицы И.С. Тургенева, А.Н. Островского и других русских писателей, который наделен редкими математическими способностями³². С просьбой помочь Станишевичу он обратился и к И.С. Аксакову³³. Благодаря содействию и деятельному участию Попова и Аксакова мальчик был определен в южнославянский пансион Ф. Минкова³⁴.

Своей учебой в России был обязан Кулаковскому и серб Й. Попович-Яворац, окончивший в 1877 г. историко-филологическое отделение философского факультета Великой школы. В письме от 1 августа 1880 г. Кулаковский обратился к Н.А. Попову с просьбой устроить молодого человека на историко-филологический факультет Московского университета и дать ему какое-нибудь пособие. «Как это было бы хорошо, – писал он, – если бы под Вашим руководством, руководством “историка новой Сербии”, воспитался серб-историк»³⁵. С аналогичной просьбой – помочь Яворацу – Кулаковский обратился и к А.А. Майкову, рекомендуя молодого серба как «человека терпеливого, энергичного и настойчивого в труде»³⁶.

Й. Попович-Яворац пробыл в России около года. Во время обучения в Московском университете он слушал лекции по русской истории Н.А. Попова и В.О. Ключевского, изучал русский язык и словесность под руководством Ф.И. Буслаева и Н.С. Тихонравова. С большим интересом сербский студент посещал лекции известного слависта А.Л. Дювернуа, ко-

торый почти два десятилетия возглавлял кафедру славянских наречий Московского университета.

28 апреля 1881 г. Н.А. Попов сообщал Кулаковскому об успехах Яворца, его трудолюбии³⁷. Впоследствии, уже вернувшись на родину, так и не закончив курса, Й. Попович-Яворец перевел на сербский язык книгу Н.А. Попова «Вторичное правление Милоша Обреновича»³⁸.

Очень много сделал Кулаковский для определения на учебу в Россию сербского студента О. Глушчевича (впоследствии известного журналиста и видного деятеля радикального движения), считая его одним из возможных своих преемников на кафедре русского языка и литературы в Великой школе. По ходатайству Кулаковского Глушчевич получил стипендию от С.-Петербургского славянского благотворительного общества³⁹.

Итоги 1879–1880 и 1880–1881 учебных лет в области распространения русского языка в Сербии нашли отражение в третьем по счету докладе Кулаковского, датированном 5 марта 1881 г. Из доклада следует, что в 1880 г. еще одно учебное заведение – Военная академия – включило русский язык в свою программу. В Высшем женском училище (Женской школе) с начала 1879–1880 учебного года он стал обязательным предметом во всех пяти классах (раньше только в трех). Таким образом, с 1881 г. русский язык вошел в программу пяти учебных заведений Сербии. Русская литература, как и прежде, преподавалась лишь в Великой школе, причем в 1879–1880 учебном году курс лекций Кулаковского был посвящен истории русской литературы XVIII в., а в 1880–1881 учебном году – первой половины XIX в.⁴⁰

Материал, приведенный в докладе Кулаковского, показывает, что за год в изучении русского языка учащимися был сделан значительный шаг вперед. Это проявилось и на экзаменах, на которых присутствовал новый министр просвещения и церковных дел Сербии Ст. Новакович, отметивший, что они продемонстрировали «более отчетливое знание форм и изменений русских слов» по сравнению с предыдущим годом⁴¹.

Как и в минувшем году, изучавшим русский язык ученикам и студентам не хватало учебных пособий. В какой-то степени этот недостаток восполнили «Руска читанка» Кулаковского и русско-сербский словарь Лавровского. Были подготовлены к печати и некоторые другие учебные пособия (русская грамматика для сербов Е. Илича, русско-сербские словари Г. Никетича и Т. Стояновича), но издание их задерживалось из-за недостатка средств⁴².

Сам Кулаковский в целом был доволен своими учениками. «Мои студенты, – писал он 18 марта 1881 г. В.И. Ламанскому, – охотно учатся русскому языку, лекции по истории новой русской литературы слушаются очень внимательно, многие студенты занимаются переводами с русского для

печати, и их студенческий журнал “Побратимство” заполняется по преимуществу переводами с русского»⁴³.

Посетивший Сербию весной-летом 1881 г. русский ученый-славист В.В. Макушев, познакомившись с Кулаковским в Белграде, писал в своем отчете о научной командировке, что тот «преподает свой предмет с любовью и увлечением и пользуется популярностью между своими слушателями». Макушев, живший в Белграде в доме Кулаковского, отмечал также, что часто видел у него студентов Великой школы, которые приходили за советами и книгами⁴⁴.

Помимо преподавательской деятельности в Великой школе Кулаковский в «белградский» период своей жизни занимался и научными исследованиями – он использовал пребывание в Сербии для всестороннего изучения сербско-хорватской литературы. Эти годы были для ученого весьма плодотворными – им был написан ряд работ, самой крупной из которых являлась монография, посвященная реформатору сербского литературного языка: «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе», опубликованная в Москве в 1882 г. и защищенная Кулаковским в качестве магистерской диссертации⁴⁵.

Наряду с научными изысканиями, П.А. Кулаковский уделял большое внимание пропаганде среди сербов знаний о жизни русского народа, развитии науки и литературы в России. В 1880-1881 гг. на страницах белградского журнала «Отаџбина» («Родина») появилось пять его «Писем о современной русской литературе» (общим объемом около 3 п.л.). В первом из них он познакомил читателей журнала с историей русской периодической печати и кратко охарактеризовал главные ежемесечные журналы литературно-исторического содержания: «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Русская речь». Во втором «Письме» Кулаковский описал открытие в Москве 6 июня 1880 г. памятника А.С. Пушкину; в третьем дал критический обзор главных сочинений в области славяноведения, вышедших в России за предшествующие два года; в четвертом сообщил о смерти Ф.М. Достоевского и А.Т. Писемского. И, наконец, в пятом «Письме» ученый рассказал сербским читателям о русских газетах, уделив основное внимание славянофильской газете «Русь»; о семье Аксаковых и их роли в общественной и культурной жизни России, а также изложил основы учения славянофилов⁴⁶.

«Письма» Кулаковского носили, прежде всего, информативный характер и не давали всестороннего анализа современной ему литературы и журналистики, борьбы в них различных течений. Тем не менее, они являлись ценным вспомогательным материалом для тех, кто хотел познакомиться с новыми русскими книгами, содержанием периодики. Об этом Кулаковский писал В.И. Ламанскому в Петербург 18 марта 1881 г.: «Иные из моих “Пи-

сем” перепечатывались в газетах и в Сербии, и вне Сербии. Многие выписывают книги и журналы, указанные мною в этих “Письмах”»⁴⁷.

Помимо исследовательского и преподавательского таланта, П.А. Кулаковский, несомненно, обладал даром незаурядного публициста. И именно в Белграде он впервые так ярко проявился, когда Платон Андреевич стал главным «сербским» корреспондентом весьма авторитетных и широко распространяемых российских изданий – газет «Московские ведомости» (издатель – М.Н. Катков), «Новое время» (издатель – А.С. Суворин) и «Русь» (издатель – И.С. Аксаков), а также журналов «Русский вестник» (издатель – М.Н. Катков) и «Журнал министерства народного просвещения». Читателей этих органов печати, разумеется, очень интересовали события, происходившие в независимой Сербии после Берлинского конгресса, и Кулаковский старался осветить их как можно более полно. Большинство его статей и корреспонденций не имело полной подписи – обычно он подписывался: К., П.К., К-ский, иногда – П.Д., N, Z, P. и т.д. Так, в письме к И.С. Аксакову от 14 февраля 1880 г. он сообщал: «Из Белграда в “Моск[овских] вед[омостях]” письма все мои, хотя бы и с подписью N»⁴⁸; «...некоторые из моих писем, – указывал Кулаковский Аксакову 27 ноября 1880 г., – будут помечены буквой Z»⁴⁹. Псевдонимами он был вынужден пользоваться потому, что его статьи и корреспонденции часто содержали критику внутренней и внешней политики сербского правительства, проводившего проавстрийский курс. Публикации Кулаковского, особенно в «Московских ведомостях», давали подробную информацию о Сербии. При этом они выгодно отличались от сообщений других корреспондентов стилем, подачей материала, знанием истории сербского народа и умением разоблачать в происходящем – сказывалось, что их автором был ученый-славист.

Вернувшись на родину в 1882 г., Кулаковский продолжил сотрудничать в вышеуказанных изданиях. Разумеется, это приносило ему неплохой дополнительный заработок. Но дело было не только в деньгах. Полагаю, что в кабинетно-научной и преподавательско-воспитательной работе многогранная, очень активная натура Платона Андреевича не реализовывалась полностью, поэтому-то он и «устремился» в журналистику, которая позволила ему проявить свое публицистическое дарование. Во всяком случае, почти до конца своих дней он не расставался с журналистикой и был не только автором, но и редактором ряда изданий. Эта особенность его личности отмечалась и его современниками, коллегами, друзьями. Так, А. Сиротинин в своих воспоминаниях, опубликованных в «Славянском обозрении» в 1914 г. (№1) в связи со смертью ученого, писал: «... в Кулаковском жило два человека, один – объективный ученый, беспристрастно

вскрывающий прошлое, другой – практический деятель, боевой публицист с несомненным темпераментом, живой, горячий, отстаивающий шаг за шагом свои идеи. Эти два человека не покрывали один другого. Живая публицистическая жилка не мешала ученому объективизму Кулаковского, помогала ему в выборе тем, всегда жизненных и интересных, против чего в большинстве случаев грешат наши слависты. Но объективизм ученых трудов не уберег его от увлечений в публицистических выступлениях»⁵⁰.

Как отмечает Л.П. Лаптева, в целом в своих трудах и публицистических статьях Кулаковский «защищал взгляд на славянство, характерный для определенного круга русского общества двух последних десятилетий XIX и начала XX в. и выражавшийся прессой и публицистикой умеренного и консервативного направлений»⁵¹.

Следует также отметить, что в период пребывания в Белграде Кулаковский установил обширные связи среди сербской интеллигенции. В числе его знакомых были такие ученые и общественные деятели, как А. Васильевич, Ст. Новакович, Й. Ристич, Н. Дучич, М. Миличевич, П. Сречкович, Л. Костич, Ч. Миятович и др. Русский ученый принимал активное участие в научной, культурной и общественной жизни Сербии: присутствовал на заседаниях Сербского ученого общества, выступал на различных собраниях, например, на панихиде по русскому историку С.М. Соловьеву в белградском соборе 27 октября 1879 г.⁵²; на открытии в ноябре 1880 г. в г. Алексинац памятника русским добровольцам, погибшим в Сербии в 1876 г.⁵³; на юбилее белградского певческого общества весной 1882 г.⁵⁴ и др.

Важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что к своей деятельности в Сербии Кулаковский относился не как к способу заработать средства на жизнь, а как к миссии «служения славянству». Его письма в Россию и дневниковые записи свидетельствуют о симпатиях к сербскому народу, а также искреннем желании помочь ему сохранить свою самобытность и спастись от чужеродного влияния. Нельзя не отметить и живого интереса русского ученого ко всему, что происходило в Сербии. Его «зоркий русский глаз», по выражению А.Л. Шемякина, заглядывал «за фасад европейских новаций» (в виде конституции, парламентаризма, многопартийности и т.д.), наблюдал не издалека, а вблизи за попытками сербского князя Милана Обреновича, связавшего судьбу своей страны и династии с Австро-Венгрией, и правительства «прогрессистов» (напредняков) совершить «прыжок из балканского мрака на европейский свет»⁵⁵. Этим новым явлениям в жизни Сербского государства Кулаковский давал свою оценку, часто нелицеприятную для сербской элиты, делавшей, по его мнению, политические ошибки, пагубно влияющие на развитие страны.

Следует также отметить следующий момент: Кулаковский, несмотря на симпатии к народу, отнюдь не идеализировал сербов и не смотрел на события в Сербии и их участников сквозь «розовые очки» – об этом мы находим не одно высказывание в его письмах и «белградском» дневнике. В этой связи весьма интересны мысли, высказанные им в письме к А.А. Майкову от 18 октября 1880 г. «Патриотизм сербский, – пишет Кулаковский, – конечно, сам по себе похвален, но исключительность сербская, самохвальство..., самодовольство и узость воззрений приводят сербов Княжества к тому, что они теряют значение как зерно, около которого соберется все сербское племя. Я теперь все больше и больше убеждаюсь, что они не создадут никогда цельного государства, и что им не собрать отдельные ключья многострадального сербского племени под свое знамя. “Царство Душана не дает сербам спать” – недавно где-то читал я, и это правда. Не было бы вредно это, если бы этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им не подходящую, заставляет их обманывать и нас, и себя, заставляет их **больше мечтать и меньше делать** (выделено нами – С.Д.)»⁵⁶.

1 июля 1881 г. истек срок командировки Кулаковского. В связи с тем, что для него как преподавателя русского языка и литературы в Великой школе не было замены, ученый обратился в министерство народного просвещения России с просьбой продлить его пребывание в Белграде на два года. Однако указом министра от 16 мая 1881 г. он был командирован в Сербию дополнительно только на один год – до 1 июля 1882 г.⁵⁷

12 июня 1882 г. А.И. Персиани ходатайствовал перед министром иностранных дел России Н.К. Гирсом о награждении Кулаковского за его деятельность в Сербии, которая, по его словам, отличалась «высокою добросовестностью и усердием». Это ходатайство имело успех – Кулаковский был награжден орденом св. Станислава II степени⁵⁸.

Высоко оценили научную и преподавательскую деятельность русского ученого и в Сербии. 22 ноября 1881 г. на главном собрании Сербского учебного общества Кулаковский был избран его членом. Предложение об этом избрании было внесено А. Васильевичем, директором Народной библиотеки в Белграде Н. Дучичем, профессором Св. Николаевичем и другими учеными⁵⁹.

После возвращения в Россию Кулаковский, к его сожалению, не смог устроиться на преподавательскую работу в Московский университет, поэтому был вынужден зарабатывать средства на жизнь для своей семьи (к тому времени у него уже было двое детей – сын и дочь) частными уроками и сотрудничеством в газетах и журналах. Из значимых событий следует отме-

тить переезд Кулаковского в Варшаву, где он стал редактором газеты «Варшавский дневник». И только в 1892 г. он смог получить должность ординарного профессора кафедры славянских наречий Варшавского университета (вместо скончавшегося в 1891 г. профессора Первольфа). Здесь он служил до 1902 г., читая курсы по южнославянским литературам. Здесь же в 1894 г. он защитил свою докторскую диссертацию «Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения», первое научное произведение «во всей славянской литературе по данному вопросу», по определению Л.П. Лаптевой, удостоившееся в России в 1895 г. премии А.А. Котляревского⁶⁰.

В 1902 г. Кулаковский был переведен из Варшавы в Петербург, где стал главным редактором газеты «Правительственный вестник» (до 1905 г.). Затем он служил «чиновником особых поручений» в МИД, а с 1906 по 1911 гг. издавал еженедельную газету «Окраины России». Наряду с этим с 1908 г. Кулаковский читал лекции по славяноведению в С.-Петербургском Историческом институте и Женском педагогическом институте⁶¹.

Но все эти события, как радостные (признание заслуг в виде наград и премий, высокое научное звание, высокие должности), так и трагические (смерть 20-летнего сына-студента от воспаления легких), — еще впереди...

А пока Платон Андреевич, «Рус-профессор», как его называли, еще в Белграде — пакует вещи, совершает последние визиты, прощается с белградскими друзьями и ...размышляет о том, что ему удалось сделать за прошедшие четыре года. Огорчало, конечно, то, что ему так и не была подготовлена замена на кафедре ни из русских, ни из сербов. Но он надеялся, что его деятельность «принесет свой плод и не заглохнет, ибо в общество уже проникло сознание важности изучения русской литературы и науки, и оно не даст умереть русской кафедре в Сербии»⁶².

Главный итог своей деятельности в Сербии Кулаковский подвел в письме к В.В. Макушеву от 6 ноября 1882 г.: «Я думаю, что я успел по крайней мере посеять семена, которые начнут вырастать скоро. В последнее время я еще больше замечал рост этих семян»⁶³. И это подтвердил спустя почти 10 лет А. Васильевич, который 10 февраля 1892 г. писал Кулаковскому в Россию: «Что в сербском обществе явилось желание изучать русский язык и русскую литературу, этому много способствовали Вы Вашими лекциями в белградской Великой школе и Вашими симпатиями к сербскому народу. Теперь почти все молодое поколение читает и понимает по-русски, а многие и говорят»⁶⁴.

К сожалению, после отъезда Кулаковского преподавание русского языка и литературы в Великой школе было прекращено. «Новый этап в истории сербской русистики» начался с приездом в 1895 г. в Белград профес-

сора Р. Кошутича. Тогда на философском факультете была создана кафедра языков и литературы восточных и западных славян, где вновь стали изучаться русский язык и русская литература⁶⁵.

В заключение, оценивая объективные результаты деятельности П.А. Кулаковского в Сербии, следует констатировать, что он внес немалый вклад в укрепление общественных, научных и культурных связей России и Сербии в сложный период межгосударственных российско-сербских отношений. В эти годы он был как бы связующим звеном между учеными двух стран: принимал активное участие в научной и общественной жизни Сербии, знакомил сербских коллег и учащуюся молодежь с достижениями научной мысли России, публиковал статьи и рецензии в русских и сербских периодических изданиях, в которых популяризировал лучшие произведения литературы, журналистики и науки⁶⁶, помогал ученым в обмене книгами и различными изданиями. А его неутомимая деятельность как профессора русского языка и литературы белградской Великой школы способствовала улучшению их преподавания в Сербии, повышению интереса к русской литературе в среде сербской интеллигенции.

Примечания

¹ См. об этом: *Радевић М.* Први руски професори у Београду // Историјски гласник. 1965. № 1; *он же.* Почети наставе руског језика у Србији: неколико докумената 1852-1864 // Настава и васпитање. 1971. № 4; *он же.* Русский язык в белградских школах до 1878 г. // Советское славяноведение. 1979. № 6.

² Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Д. 209. Л. 11.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Славянский стол. Д. 6712. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 6715. Л. 22.

⁵ *Орлов Г.* Платон Кулаковски и почети наставе руског језика на Великој школи (Историјски осврт) // Живи језици: Часопис за стране језике и књижевности. Књ. 11. Бр. 1-4. Београд, 1969. С. 57.

Через год Кулаковский получил прибавку к жалованью и стал получать 800 талеров – см.: Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) (далее – ОР ИРЛИ). Ф. 572. Д. 1 (дневник П.А. Кулаковского). Л. 10.

⁶ См.: *Лантева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: История и современность. М., 1998. С. 112; *она же.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 728.

⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 1.

⁸ *Орлов Г.* Указ. соч. С. 57.

- ⁹ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 1 об.; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 14. Д. 190. Л. 8 об.
- ¹⁰ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 8 об. -9.
- ¹¹ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 1 об.; ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 9.
- ¹² В докладе он пишет об этом так: «Я лично глубоко верю и вполне убежден, что вне одного русского языка науки для всех славян и в особенности для сербов – нет спасения» // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1879 г. Д. 13. Л. 9 об.
- ¹³ Вестник Европы. 1878. № 8. С. 831.
- ¹⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л.18.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.
- ¹⁶ Имеется в виду Александр Петрович Хитрово, выпускник Дерптского (Тартуского) университета, который в 1876 г. поехал добровольцем на Балканы. Он сражался в Боснии, затем участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. После ее окончания преподавал в освобожденной Болгарии русский язык. В 1879 г. А.П. Хитрово переехал в Сербию, в Белград, где прожил более 15 лет. Он был корреспондентом газеты «Новое время», затем внештатным переводчиком российской дипломатической миссии в Сербии, много сил отдавал распространению среди сербов русского языка. Позднее, в конце 80 – начале 90-х годов XIX в., А.П. Хитрово преподавал русский язык в учительской и унтер-офицерской школах, семинарии, военной Академии (с 1891 г.), вел факультативный курс в Великой школе, был учителем русского языка сербского короля Александра Обреновича // см.: *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия. 1888–1903. Киев, 1987.С. 93-95.
- ¹⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 8 об.
- ¹⁸ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1 Д. 772. Л. 2, 4 об.
- ¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 12. Л. 10 об. -11.
- ²⁰ Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 400. Д. 366. Л. 4, 4 об.-5.
- ²¹ Там же. Д. 82. Л. 177.
- ²² АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 8-8 об.
- ²³ *Орлов Г.* Указ. соч. С. 58.
- ²⁴ РГИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 331. Л. 1, 2, 7-7 об.
- ²⁵ Этот доклад с небольшими изменениями был напечатан в петербургском «Журнале министерства народного просвещения» (1880, № 8) под заглавием «О преподавании русского языка в учебных заведениях Сербии» (за подписью К. – один из псевдонимов П.А. Кулаковского).
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Л. 6 об.
- ²⁸ Там же. Л. 7-8.
- ²⁹ Цит. по: *Лантвева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского. С. 123.
- ³⁰ Там же. С. 116.

- ³¹ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 5 об.
- ³² НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 14 об.
- ³³ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 11 об.-12.
- ³⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 60. Л. 1 об.
- ³⁵ НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 25 об.
- ³⁶ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 1-2.
- ³⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 202. Л. 11 об.
- ³⁸ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 13. Д. 49. Л. 12.
- ³⁹ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1 Д. 772. Л. 7 об.-8.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 17-17 об., 18.
- ⁴¹ Там же. Л. 18-18 об.
- ⁴² Там же. Л. 19.
- ⁴³ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1 Д. 772. Л. 9 об.
- ⁴⁴ См.: Отчет II ординарного профессора имп. Варшавского университета В.В. Макушева о научных занятиях за границу с марта по сентябрь 1881 г. // Варшавские университетские известия. 1882. № 4. С. 2.
- ⁴⁵ Об откликах в России и Сербии на эту книгу см.: *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи (70-80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 84-89.
- ⁴⁶ Отабина. 1880. Кнь. 4. Св. 15. С. 465-466; Кнь. 5. Св. 18. С. 311-317; 1881. Кнь. 6. Св. 21. С. 147-150; Св. 22. С. 309-312; Кнь. 6. Св. 24. С. 618-625; Кнь. 7. Св. 25. С. 131-133.
- ⁴⁷ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 11.
- ⁴⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 4 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 10 об.
- ⁵⁰ *Сиротинин А.* Из воспоминаний о П.А. Кулаковском // Славянское обозрение. СПб., 1914. № 1. С. 4-5.
- ⁵¹ *Лантева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского. С. 111.
- ⁵² Памяти Платона Андреевича Кулаковского. Пг., 1915. С. 34.
- ⁵³ См.: Свечаност одкрића споменика на Рујевици код Алексинца 8 новембра 1880 г. изгнуљим руским добровољцима у српско-турском рату 1876 год. Београд, 1881. С. XXVI-XXVIII.
- ⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 1 об.
- ⁵⁵ *Шемякин А.Л.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878-1914) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 67, 73.
- ⁵⁶ Цит. по: *Лантева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского. С. 121-122.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 42 об.-43.
- ⁵⁸ Там же. Л. 37-37 об., 44.
- ⁵⁹ Архив Сербской Академии наук и искусств (САНУ). Главни инвентар (бр. 11). А бр. 3278.
- ⁶⁰ *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 738, 740.
- ⁶¹ Там же. С. 744-745.
- ⁶² ОР РНБ. Ф. 377. Д. 833. Л. 1 об.

⁶³ НИОР РГБ. Ф. 156. Д. 71. Л. 34.

⁶⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 85. Л. 3-3 об.

⁶⁵ Орлов Г. Указ соч. С. 59.

⁶⁶ В ОР ИРЛИ в ф. П.А. Кулаковского (ф. 572) хранится составленный им список его публикаций в российских и сербских периодических изданиях (д. 1) в 1876-1885 гг. Всего в нем 284 позиции, в том числе за 1879-1882 гг. («белградский» период) — 104.